
МНЕ
ПОКАЗАЛОСЬ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
А. ПИРАНИАН

А. Пираниан

Мне показалось

https://litres.ru/74782444
SelfPub; 2026

Аннотация

Обычные улицы, панельные дома, сосновый лес на окраине. Кажется, здесь всё знакомо и ничто не предвещает беды. Пока рядом с лесом не начинают находить тела, а привычный мир не наполняется странными знаками, подозрениями и необъяснимыми совпадениями.

У каждого своя правда. У каждого есть то, о чём он предпочитает молчать. И чем ближе герои подбираются к разгадке, тем труднее понять, где заканчивается реальность и начинается нечто другое.

Содержание

Глава 1. Василий. 4
Глава 2. Янина. 11
Глава 3. Алексей. 21
Глава 4. Красные бусины. 30
Глава 5. Байки. 44
Глава 6. Голоса. 58
Глава 7. Бесстрашный. 66
Конец ознакомительного фрагмента. 71

А. Пираниан
Мне показалось

Глава 1. Василий.

В городе Глуховце наступило обычное ленивое утро. Об этом свидетельствовали лучи солнца, медленно пробирающиеся между хрущёвками.

Вася вышел из старого деревянного дома, стоявшего немного в стороне от пятиэтажек. Когда-то его покрасили в жёлтый цвет, но за прошедшие годы краска почти полностью облупилась, обнажив потемневшие доски.

На деревянном крыльце Вася ненадолго задержался. Дверь подъезда, как это было принято, стояла настежь, и холодный августовский ветер свободно гулял по общему коридору между квартирами первого этажа.

Прямо перед Васей никак не мог дождаться начала прогулки большой пёс. Атлант стоял чуть впереди, смотря на него тяжёлым овчарочьим взглядом, на который был способен только кавказец.

Вася поправил ветровку и по привычке ссутулился, немного втянув голову в плечи. Холодный ветер растрепал его рыжие волосы. В кармане звякнули, ударившись друг о друга, ключи, телефон и, возможно, немного мелочи.

Неохотно он сделал пару шагов навстречу городу, поёжившись от очередного порыва ветра. Между краями рукавов и кистями рук парня оставалось свободное пространство, напоминающее о том, как сильно Вася вырос за лето.

Дело было не только в куртке: все штаны стали короткими, а футболки выглядели несуразными. Впереди было первое сентября, на которое все одноклассники придут новыми людьми. В новых кроссовках, куртках, возможно, даже с новыми телефонами. А Вася за лето обзавёлся разве что слишком длинными руками и ногами. Да, возможно, для него это не играло такой уж сильной роли, но он знал, что обсуждений вокруг будет много. Ноющая неуверенность сидела где-то внутри него.

В кармане завибрировал телефон, сработал будильник.

Вася проснулся задолго до будильника. Но утро проходило словно во сне: он успел одеться, взять поводок и выйти из дома, а ощущение, что он действительно проснулся, так и не пришло. Порывшись в кармане, он извлёк старый кнопочный телефон, которому даже не всегда удавалось поймать сеть в нужный момент. Нажатием клавиш он выключил будильник.

— Ну что? — сказал Вася, натягивая поводок. — Выдвигаемся.

Атлант двинулся вперёд в своём ритме, в котором хозяин был скорее приложением к прогулке, чем её центром.

Впереди виднелась трёхэтажная коробка с облупившей-

ся краской, пыльными окнами и кривым крыльцом, которое каждую весну обещали починить. Это была Васина школа. Пёс повёл Васю вокруг до боли знакомого здания. Он будто хотел напомнить о том, что скоро хозяину предстоит сюда вернуться.

Вася снова поёжился, но на этот раз ветер был тут ни при чём. К нему вернулось знакомое ощущение, которое он испытывал на уроках. Оно было схоже с опозданием на автобус, как будто все уже движутся, а он только-только подходит к двери. В школе, пока другие понимали тему, он только начинал разбираться, о чём вокруг вообще говорят. Его подруга детства и одноклассница Яна успокаивала его словами, что это «особый метод обучения», хотя Вася подозревал, что это была обычная тупость.

Единственным предметом, который хоть как-то поддавался Васе, была литература. Ему нравилось, что на нём иногда можно было честно думать вслух о мире, жизни и смерти. О смерти, пожалуй, Вася думал даже слишком часто.

На этом витке размышлений Васи они с Атлантом закончили кольцо вокруг школы и повернули в обратную сторону. Туда, где деревянный мост соединял Глуховец с сосновой чащей.

Мысли о смерти преследовали Васю с тех пор, как он узнал от бабки, что птица, врезавшаяся в его окно, — к покойнику. Сначала он смеялся. А потом мать всё чаще стала пахнуть больницей. Иногда Васе казалось, что больница на-

всегда въелась в неё: в волосы, одежду, кожу рук.

Этот удушающий запах мог преследовать его не только в доме, но и в лесу. Там всегда было тихо, как на проводах.

Вася боялся леса.

Этот страх был с ним всегда.

Был даже до того осеннего дня, который существовал в голове как отдельные, не связанные между собой фрагменты, слишком чёткие, чтобы исчезнуть. Иногда ему чудилось, что он может вспомнить всё целиком. Такие моменты пугали больше всего.

Именно так в жизни Васи появился Атлант. Мать купила собаку, надеясь избавить парня от фобии. Щенок даже в три месяца имел грозный вид и с трудом помещался на руках. Но всё равно спал в его кровати, хотя и занимал большую часть тахты.

Кавказская овчарка сразу стала верным другом. С Атлантом тишина отступала, а в жизни Васи появились долгие прогулки.

Вася и Атлант приблизились к мосту. Здесь город уже переставал быть городом, но ещё не становился лесом. Это была пограничная зона. Прямо за деревянными мостками начиналась тропа. Узкая, вытоптанная, с неровными краями травы и следами от ботинок, она следовала вдоль реки, оставляя лес по правую сторону. Именно по ней, в сторону лесопилки, чаще всего проходили долгие прогулки, так как в лес Вася входить не решался.

Вася посмотрел на собаку и почти машинально сказал: «Атлант».

Пёс чуть повёл ухом.

— Атланты же небо держат, — зачем-то продолжил разговор Вася. — А ты пока только меня на поводке. Ну ничего, начало положено...

Это звучало легко и глупо — так, как и должна была звучать шутка. Для Васи мир оставался управляемым, пока в нём существовали такие разговоры.

Парень и пёс сделали несколько шагов вперёд.

Звуки вокруг них изменились. Сначала почти незаметно, как будто кто-то просто убавил громкость у мира. Васе показалось, что машины на другом берегу звучат чуть позже, чем должны. Потом исчезли голоса. Потом даже река стала звучать словно через вату.

Вася остановился.

Оглянулся.

Город на другом берегу был на месте, нормальный, живой. Но здесь у кромки леса всё было слишком тихо. Неправильно спокойно.

Пёс тоже остановился, и это сразу изменило ощущение ситуации. Улыбка Васи медленно исчезла. Что-то старое и детское снова колыхнулось внутри.

Атлант стоял неподвижно, напряжённо, собранно. Его уши были приподняты, а взгляд направлен не на деревья, а глубже — туда, где он уже не различает отдельных предме-

тов.

— Эй, — сказал Вася тише. — Пойдём.

Поводок между ними натянулся, но Атлант не сдвинулся с места. Пёс не выглядел ни испуганным, ни агрессивным. В нём было другое — полная, спокойная фиксация на чём-то впереди. Решение уже было принято, и обсуждать его Атлант ни с кем не собирался. Он сделал шаг в сторону — не вперёд и не назад, а в лес, с тропы.

— Атлант, ты чего?

Вместо ответа он двинулся в глубь леса. Вася пошёл следом почти автоматически. Он попытался в голове вернуть шутку, прозвучавшую недавно, но не смог вспомнить.

Лес становился плотнее, и вместе с тем ощущение пространства изменилось. Оно стало более закрытым, более внимательным: здесь лес не просто окружал, а присутствовал.

Атлант продолжал тянуть вперёд не как собака на прогулке, а как тот, кто ориентируется на конкретную цель.

— Ну ты даёшь, — пробормотал Вася.

Голос прозвучал глуше, чем должен был.

И вдруг Атлант остановился.

Окончательно.

Сначала это было просто несоответствие. Как будто часть леса не совпала с остальным. Как ошибка в изображении, где один элемент вдруг перестаёт быть частью общего. Потом смысл начал собираться.

Форма. Неподвижность. Человеческое присутствие там, где его быть не должно.

Вася понял, что уже знает, что видит, но всё ещё не произнёс этого внутри себя. Шаг назад оказался тяжелее, чем шаг вперёд.

В траве, покрытой росой, лежала девушка. Лицом вверх. Красная нить на запястье была первым, на чём сфокусировался взгляд Васи.

Глава 2. Янина.

Квартира на четвёртом этаже в центре Глуховца всегда казалась для Яны слишком тихой.

Её мать не выносила шума. Хлопать дверями было нельзя. Музыку включать было разрешено только в наушниках. Телевизоры работали на минимальной громкости. Даже за ужином вилки соприкасались с тарелками так осторожно, будто в квартире жил кто-то больной.

Яна держала спину настолько ровно, что даже не касалась ею спинки стула. Волосы были туго стянуты в косу. А рукава белой, выглаженной до хруста рубашки закрывали запястья. Под тканью тянулись свежие следы от ногтей. Красные дуги, которые появлялись сами собой в присутствии матери. Иногда Яна замечала их слишком поздно, чтобы остановиться.

На кухне пахло жареной картошкой и сигаретами.

Напротив за столом развалился Даня в растянутой серой футболке и лениво ковырял вилкой еду. Сегодня он всё-таки пришёл к ужину. Перед этим курил на кухне, а весь день не отвечал на звонки. Очевидно, ему прощалось больше, чем Яне.

Отец семейства ел, пробегая по строчкам газеты своим фирменным спокойным, отстраненным взглядом. В кругу семьи только рядом с ним Яна могла свободно дышать.

Телевизор бубнил что-то про пробки, выборы и аварии.

— Янина, передай хлеб, — велела мать.

Стоило Яне вытянуть руку, как мать перехватила корзину своими сухими и худощавыми пальцами.

— Ну через стол же! Как можно делать всё так неаккуратно?

Девочка почувствовала, как ногти другой руки впились в только что опущенную ладонь.

Отец перевернул страницу газеты и сказал устало, но без раздражения:

— Люба, хватит.

Мать поджала губы.

— Вить, я вообще-то занимаюсь воспитанием нашей дочери.

Яна посмотрела в тарелку на остывающую картошку. Жир от мяса становился плотнее. Она знала, как пройдёт очередной вечер. Мать продолжит раздражаться, пока Яна не выдержит и не ответит ей, на что Даня обязательно огрызнётся. Потом не выдержит и отец, попросит всех успокоиться — и наступит вязкая тишина.

Пузатый телевизор зашипел помехами.

— Сегодня утром в лесополосе возле реки было обнаружено тело девушки…

Когда Яна подняла глаза, камера показала знакомую тропу — ту самую, где они с Васей часто выгуливали Атланта. Эта новость перестала казаться чужой. И Яна продолжила смотреть.

Нарезка кадров. Лес, милицейская машина, мокрая трава.

Чья-то рука.

Тёмный рукав кофты.

Внутри Яны что-то резко сжалось.

В кухне стало холодно.

Яна вспомнила резкий запах ацетона.

***

Несколько месяцев назад.

Из школьного туалета разило ацетоном.

Яна заметила этот запах ещё в коридоре. Из ближайшего кабинета доносился приглушённый голос учительницы истории, прокатываясь отголосками по пустынному коридору. Но стоило Яне приоткрыть дверь женского туалета, как школа изменилась, стала тёплой и немного шумной.

Лена сидела на узком длинном подоконнике, поджав под себя ногу. Рядом с ней устроилась Кристина, сосредоточенно крася ей ногти чёрным лаком.

— Не дёргайся, господи, — пробормотала она. — Я тебе сейчас всё размажу.

— Да крась уже быстрее.

Лена засмеялась и потянулась за телефоном. Раскладушка в стразах выскользнула и упала на кафель.

— Ой, блин.

— Руки из жопы, — спокойно сказала Кристина.

— Зато какие красивые! — Лена улыбнулась, рассматривая только что накрашенные ногти.

Яна зашла и остановилась у раковины, делая вид, что поправляет причёску перед зеркалом. На самом деле ей просто не хотелось сидеть на алгебре.

Первой её заметила Лена.

— О-о, Янина пришла.

Она всегда говорила с немного растянутой интонацией, для неё всё вокруг было смешно.

— Что, тоже прогуливаешь?

— Нет.

— Почему тогда крадёшься?

Яна пожала плечами.

— Хотела волосы собрать.

— Во время урока?

— Может, у человека пунктик, — сказала Кристина, не поднимая глаз от ногтей.

Лена снова засмеялась. Громко. Слишком громко для школьного туалета. Это было настолько заразительно, что Яна улыбнулась в ответ.

Девочки вернулись к ногтям.

Яна принялась переплетать косу.

— Блин, подожди, — сказала за спиной Кристина. — Это ещё что?

— Где?

— Да вот.

Яна машинально обернулась. Кристина держала запястье Лены, вокруг которого была завязана тонкая красная нить.

Девочка отдёрнула руку. Очень резко.

— Да ничего. Так… от сглаза.

— Ты что, у нас бабка?

— Просто оберег.

— А-а, ну тогда, конечно, — фыркнула Кристина. — Теперь тебя точно не убьют.

Лена закатила глаза и ткнула её локтем.

— Дура.

— Серьёзно, это что, модно теперь? — спросила Кристина.

— Да просто… — Лена замолчала на секунду. — Мне так спокойнее.

Яна обратила внимание, что улыбка Лены больше не выглядела естественной.

— Всё, отстань.

В коридоре прозвенел звонок. Кристина недовольно выругалась.

— Блин. Историчка убьёт.

— Не убьёт, — сказала Лена, спрыгивая с подоконника. — Она слишком старая для этого.

Девочки прошли мимо Яны. Лена задела её плечом. Вблизи от неё пахло сигаретами. Уже у двери Лена вдруг обернулась:

— Янина, если спросят — нас тут не было.

— И что мне за это будет?

— Договоримся.

Лена подмигнула и вышла в коридор. А Яна почему-то ещё несколько секунд смотрела на пустой подоконник и баночку чёрного лака, оставленную возле окна.

***

На кухне телевизор продолжал бубнить про следствие и отсутствие свидетелей.

Яна медленно положила вилку.

— Господи, опять это во время ужина, — недовольно сказала мать. — Совсем уже помешались на своих убийствах.

Даня поднял глаза на экран.

— Это уже третья за лето?

— Вроде того, — пожал плечами отец, поправляя очки.

Мать раздражённо взяла пульт.

— Не хочу это слушать.

Но отец остановил её:

— Подожди.

Она замерла с пультом в руке. На экране снова показали лес. Камера дёрнулась, и Яне стало трудно дышать. Будто дёргалась не картинка на экране, а её саму кружила большая карусель.

— Опять у реки, — заметил Даня.

— Девушкам делать нечего, кроме как по лесам ночью шляться, — отрезала мать.

— Мам, её убили, вообще-то.

— А я, по-твоему, не поняла?

На этот раз отец наконец отложил газету.

— Люба.

Только имя.

Но мать всё-таки выключила телевизор, раздражённо вдохнув.

Кухня сразу стала по-настоящему тихой.

Дальше ели в тишине. Яна почувствовала, как снова начинает царапать кожу возле ногтя, и быстро сжала руку в кулак.

Даня поднялся первым.

— Я курить.

— Только не на кухне, — автоматически сказала мать.

— Ага.

Он ушёл, шаркая тапками по коридору. Мать начала собирать тарелки. Отец снова раскрыл газету.

Ссоры в их семье уже давно начали проходить в тишине.

***

Шесть лет назад.

Яне было девять, и в тот вечер ей казалось, что отец принадлежит только ей.

Они сидели среди разбросанных карточек «Монополии» прямо на полу гостиной. Отец в очередной раз делал вид, что проигрывает, и Яна смеялась так громко, что несколько раз испуганно косилась в сторону кухни.

Уже тогда она понимала, что мать не приемлет шума.

— Янина, — позвала Любовь ещё до того, как появилась в дверях. — Я просила тебя разобрать вещи в комнате.

Яна закатила глаза. При папе она не играла роль прилеж-

ной дочери.

— Потом.

Мать вошла в комнату.

Уставшая, в домашнем халате, с влажными после кухни руками.

— Что значит «потом»?

— То и значит.

Виктор одобрительно усмехнулся в ответ на слова дочери. Этого хватило. Мать сразу перевела взгляд на него.

— Конечно. Очень смешно.

Яна почувствовала знакомое удовольствие — маленькое, злое. Будто она выиграла что-то важное.

— Мы вообще-то играем, — самодовольно сказала она.

— А я вообще-то весь день работала, а теперь убираю за вами.

— Люба, не начинай, — монотонно произнёс отец.

— Я не начинаю? Серьёзно?

Голос матери резко стал громче.

Яна вздрогнула.

— Ты хоть раз можешь сделать ей замечание? Хоть раз? Она разговаривает со мной, как…

— Потому что ты постоянно пилишь её.

— Я воспитываю её!

— Нет. Пилишь.

Мать коротко рассмеялась.

— Конечно. А ты у нас идеальный отец.

Он медленно поднялся с пола. На его лице не осталось и следа той улыбки, которую он старательно натягивал во время игры. Серые глаза за толстыми стёклами очков смотрели куда-то за спину жены.

— Не устраивай истерику при ребёнке.

— При ребёнке? — мать почти сорвалась на крик. — Да ты вообще на меня смотреть не хочешь с тех пор… с тех пор как появился этот ребёнок! Хотя и после Дани…

Тогда Яна не поняла, о чём речь. Ей казалось странным, что мать так кричала, в то время как отец говорил совершенно обыденным тоном.

— Не начинай, Люба.

— Нет, скажи! Скажи ей! Скажи, как ты «связал жизнь» со мной!

— Хватит.

— Ты сам мне говорил: если бы не беременность, ты бы вообще…

Голос матери дрожал.

— Замолчи.

Отец сказал это тем же тоном, которым некоторое время назад поздравил Яну с победой в игре.

Почему мама не могла быть такой же? Глаза Яны начинало жечь. Она ненавидела, когда мать кричала. Ненавидела этот голос. Ненавидела, что всё портилось.

— Уйди отсюда! — резко выкрикнула она.

Мать замерла. Потом коротко усмехнулась — зло, почти

с ненавистью — и вышла из комнаты, не закрыв дверь.

Яна, испугавшись собственных слов, заплакала. Резко, навзрыд — так, как умеют только дети.

Отец сел рядом и обнял дочь за плечи.

— Всё нормально.

Услышав его ровный, безэмоциональный голос, Яна подумала: «Как же, должно быть, отец устал».

Она уткнулась лицом ему в футболку.

И в этот момент она почувствовала: если отец рядом — ничего плохого не случится.

— Ну вот.

Голос брата заставил Яну вздрогнуть. Видимо, он уже некоторое время стоял в дверях.

— Опять из-за тебя поругались.

Она подняла на него мокрые глаза. Даня зло смотрел на неё — как человек, которому надоело слушать одно и то же.

— Могла бы хоть иногда рот закрывать.

И ушёл.

Яна осталась.

Глава 3. Алексей.

Разбитая грунтовая дорога петляла между рекой и лесом. Утро освещало её неестественно по-больничному яркими лучами.

Алексей сидел на пассажирском сиденье, упираясь локтем в стекло милицейской «десятки». Машина подпрыгивала на кочках и покачивалась из стороны в сторону. За рулём сидел Игорь. Пока они проезжали мимо домов с ржавыми балконами, по грузному металлическому мосту через реку и мимо территории старой лесопилки, он успел выкурить уже три сигареты. Окно было открыто, но дым всё равно оставался внутри машины, окутывая Лёшу.

Он скучающим взглядом провожал пробегающие мимо деревья. Ему было девятнадцать лет, школу он закончил, а в институт так и не поступил. Дни постепенно стали похожи один на другой: поздние подъёмы, встречи с друзьями, вечера, которые незаметно превращались в ночь.

Игоря такое положение дел не устраивало, он всё чаще забирал младшего брата с собой на работу. Наверное, хотел научить его жизни.

О найденном теле сообщили уже по дороге. Игорь даже не предложил отвезти Лёшу домой.

— Мам звонила? — спросил Лёша.

Брат кивнул.

— Утром.

— И?

— Поговорили.

Это означало: опять жаловалась на Алексея.

Игорь выкинул окурок в окно. Лёша обратил внимание, что на висках брата уже начала проступать седина, хотя ему было чуть-чуть за тридцать. Последние лет пять Игорь жил на работе, выбираясь оттуда только ради того, чтобы по просьбе матери устранить очередную поломку в доме. О личной жизни брата Лёша давно перестал спрашивать. Редкие свободные вечера Игорь проводил в их доме, сидел на кухне, пил чёрный чай и молча смотрел новости.

За лобовым стеклом показался милицейский УАЗ, припаркованный около ничуть не примечательного отрезка леса. Игорь припарковался следом, и братья вышли из машины.

Их встречал мужчина в форме. Заметив Лёшу, он коротко усмехнулся.

— Опять с братом? Ещё немного — форму выдадут.

— Мне и без формы неплохо, — ответил Лёша с кривой улыбкой.

Сотрудников он давно различал по лицам, некоторых он знал по именам, а подобные поездки перестали для него быть чем-то необычным.

Некоторое время они шли по лесу, пока впереди не показалась жёлтая лента между деревьями. Лёша подумал, что она всегда выглядит слишком тонкой для всего того, что

обычно спрятано за ней.

— Лёш, за ленту не заходи, — прозвучал где-то сбоку голос Игоря.

— Да знаю я.

Лёша присоединился к толпе зеваков. Людей оказалось больше, чем он ожидал. Возле натянутой ленты уже столпились местные мужики, женщины в платках, подростки на велосипедах. Среди них Лёша увидел знакомое лицо. Это был его школьный учитель по литературе. Они обменялись кивками в знак приветствия.

Все стояли слишком близко, надеясь увидеть как можно больше.

— Да куда вы прётесь-то?!

Лёша поднял глаза туда, откуда раздался голос Игоря.

И только теперь увидел тело.

Оно лежало на просвете между соснами, где мох реже и светлее, будто лес просто оставил его здесь и отступил.

— Я тебе говорю, опять девка молодая, — возбуждённо шептал кто-то в толпе.

— Третья уже.

— А разве не четвёртая?

Над толпой тянулся тихий вязкий гул, как на похоронах или возле аварии. У натянутой между деревьями ленты сновали сотрудники милиции, безуспешно пытаясь оттеснить людей подальше; среди них тело оставалось единственной вещью, которая не участвовала в происходящем.

Чуть поодаль от толпы Лёша заметил рыжего парня с овчаркой. Он стоял, ссутулив плечи, крепко сжимая поводок собаки. Парень выглядел так, словно не понимал, куда ещё дальше он мог бы отойти.

Высокий, худой, в мятой ветровке.

Лицо было знакомо.

— Ты нашёл? — обратился к нему Игорь.

Парень кивнул и как-то мельком посмотрел на самого Лёшу, словно узнал.

— Один был? — продолжал милиционер.

— С собакой.

Голос рыжего прозвучал нерешительно. Гигантский белый пёс смотрел в лес.

— Ничего тут не трогал?

— Нет.

Парень снова бросил потерянный взгляд на Лёшу, на этот раз чуть дольше. И этого хватило, чтобы наконец вспомнить.

Василий.

Друг сестры Дани.

Пересекались несколько раз у них дома.

***

Прошлой зимой.

Даня валялся на диване и щёлкал каналы телевизора. В это время Лёша возился на кухне, как у себя дома. Он заварил чай в большую кружку, сел за стол и начал листать первый попавшийся журнал.

Родители Дани относились к нему спокойно. За столько лет дружбы с их сыном Лёша стал человеком, которого давно пустили внутрь семьи.

В то время как Вася выглядел малознакомым посторонним. Он обычно появлялся ненадолго — постоять в дверях, позвать Яну гулять или перекинуться несколькими фразами.

Это был один из таких дней. Когда Лёша открыл ему дверь, в прихожую потянуло холодом. Вася неловко стоял посреди подъезда с мокрыми от снега волосами. Он держался непривычно далеко от двери, как будто нажал звонок и, напугавшись, сделал несколько шагов назад.

— Янка дома?

— В комнате, — ответил Лёша.

Вася тогда посмотрел на него странно, но с чем-то колючим внутри взгляда. Словно Алексей случайно оказался на чужом месте.

***

Сейчас Вася выглядел таким же напуганным. Всё время поправлял поводок, тёр ладонью шею и смотрел куда угодно, только не на толпу людей.

Неожиданно закричала женщина.

Резко.

Надрывно.

Толпа вместе с Лёшей качнулась в сторону, пропуская её.

— Пустите меня! Господи, пустите!

Один из сотрудников милиции попытался удержать сухую

старуху в тёмном пальто, но та вырвалась с неожиданной силой.

— Это моя Леночка! Моя! Пустите меня к ней!

Лёша заметил, как Вася вздрогнул, — казалось, его ударило током.

Теперь у тела было имя.

И Алексей тоже его знал. Лена была из тех девочек, которые постоянно оказывались рядом с чужими компаниями, особенно если в них были парни постарше. Несколько раз она проводила вечер среди друзей Лёши и Дани в гаражах, сидела с ними во дворе, стреляла сигареты, могла уехать ночью кататься с кем угодно и потом вернуться под утро.

Лёше она запомнилась как очень громкая. С привычкой смеяться чуть дольше, чем это было нужно.

Игорь таких девушек называл: «вечно ищут приключения».

Алексей каждый раз молчал.

Жёлтая лента трещала на ветру, пока оперативник натягивал её чуть дальше, пытаясь сместить толпу в сторону.

— Бабушка погибшей? — тихо спросил он.

— Похоже, — бросил Игорь.

Старуха уже почти хрипела.

— Я ей говорила! Говорила — не ходи туда! Не ходи после темноты!

— Уведите её, — устало сказал кто-то из оперативников.

— Это лес её забрал! — выкрикнула старуха так гром-

ко, что несколько человек вокруг невольно замолчали. — Он всегда забирает!

В толпе кто-то нервно усмехнулся. Слишком многие здесь выросли на историях про девушек, которые уходили в лес.

Одна женщина тихо сказала:

— Моя бабка ещё рассказывала — раньше девки нитки на руки повязывали, как у этой.

— От сглаза, что ли?

— Да хрен знает. Говорили — лес своих помечает.

Игорь раздражённо повернулся:

— Вам заняться нечем?

Женщина сразу отвела взгляд. Но замолчали ненадолго.

— А чего? — пробормотал кто-то. — Люди пропадают, а вы всё «маньяк, маньяк». А найти столько лет не можете.

— Да какой человек это сделает? — пробормотала женщина в платке.

— А кто тогда? — хмыкнул учитель литературы. — Леший?

Кто-то тихо и неуместно засмеялся.

Игорь устало потёр лицо ладонью.

— Да человек, — бросил он. — Обычный человек. В этом вся херня.

Женщина фыркнула:

— Ага. Только возле леса они у вас десятилетиями мрут.

— Потому что люди туда ходят, — вспылил Игорь. — А не потому что там черти баб воруют.

На секунду стало тихо.

— Девушки и раньше пропадали, — уже спокойнее сказал он. — Ещё до меня. Только в этом году совсем попёрло. Три за лето.

Кто-то тихо выругался.

Женщина в платке перекрестилась.

Потом лес снова зашумел голосами. Пока их не разрезал звонкий лай собаки. Атлант уставился в сторону деревьев, привлекая ненужное внимание к Васе. Тот попытался успокоить пса. Лёша отметил, насколько сиплым был голос парня. Пёс не собирался успокаиваться и гавкнул ещё несколько раз. Лёша проследил его взгляд. Между деревьями никого и ничего не было.

Игорь уже разговаривал с криминалистом.

— Следов почти нет.

— Ночью дождь шёл, смыло.

Сырая земля липла к ботинкам Лёши. От реки тянуло холодом и болотной водой. Криминалист осторожно приподнял руку девушки.

Алексей услышал, как Вася резко вдохнул.

И начал следить за его движениями. Рыжий тёр большим пальцем костяшки другой руки. Так, как делает человек, который пытается отвлечься от чего-то.

— Опять возле старой тропы, значит, — послышался голос оперативника.

— Да там всегда всё начинается, — пробормотала жен-

щина из толпы зевак. — Ещё моя мать говорила…

— Да хватит уже, — устало оборвал Игорь.

Но даже он говорил тише обычного.

Гораздо позже, в машине, Лёша сказал брату, что Вася как-то странно себя вёл: молчал, сторонился всех.

Игорь только усмехнулся:

— Он только что труп нашёл. Чего ты от него ждал? Не нужно делать выводы.

Лёша не собирался ничего доказывать. Просто за последний год он научился замечать некоторые вещи, на которые прежде не обратил бы внимания.

Он был уверен, что Вася что-то скрыл.

Глава 4. Красные бусины.

Яна выбежала из подъезда, распахнув тяжёлую металлическую дверь.

Около дома на лавочке она заметила знакомую рыжую макушку. Возле ног Васи, вытянув лапы на тёплом асфальте, лежал Атлант.

Августовский день уже успел прогреться. Между хрущевками висел привычный дворовой шум: где-то через открытое окно орал телевизор, на детской площадке скрипели качели и спорили дети.

— Долго ждёшь? — спросила Яна, тут же принявшись чесать Атланта.

Пёс довольно поднял голову, позволяя почесать широкую шею.

Вася встал и потянулся.

— Минут сорок. Может, час. Я уже состарился.

— Врёшь.

— Конечно.

Яна улыбнулась. Их маленькие споры с Васей всегда вселяли в неё энергию.

— Пошли, — сказала она. — Пока всё нормальное не разобрали.

Атлант тут же оживился, поднялся на лапы и, виляя хвостом, двинулся следом. Яна забрала поводок из рук Васи и

двинулась вперёд.

— Он тебя, по-моему, больше любит, чем меня, — послышался позади его голос.

— Потому что я его глажу.

— Нет. Потому что ты пахнешь колбасой.

Они прошли через двор мимо облупленной стены котельной, на которой кто-то криво написал краской: «Цой жив». Она шла впереди практически вприпрыжку. Собранные в тугую косу волосы подпрыгивали при каждом её шаге.

— Слушай, Янка, — сказал Вася, догнав её и сунув руки в карманы. — Если ты мне что-нибудь не купишь, мне придётся продать Атланта.

Яна фыркнула.

— Атлант хотя бы полезный. А ты что умеешь?

— Могу красиво говорить.

— Нет.

— Тогда красиво молчать.

— Этого ты вообще не умеешь.

Ребята дошли до площади и остановились около разрисованной остановки. Среди давно знакомых надписей «Я люблю тебя» и «А+И» появился новый знак, ромб, разделённый надвое горизонтальной линией.

Маршрутка приехала почти сразу, уже почти полная. Дверь распахнулась с металлическим лязгом, и на Яну пахнуло бензином, пылью, горячим пластиком и сигаретами, въевшимися в обивку сидений.

— О, отлично, — пробормотал Вася, заглянув внутрь. — Люблю стоять в позе креветки.

Яна протиснулась первой. На задних сиденьях шумели подростки, возле окна дремал мужчина в кепке, а старуха с сумкой-тележкой недовольно подобрала ноги, когда мимо неё осторожно протиснулся Атлант. Пёс занимал столько места, что люди невольно прижимали к себе пакеты.

— Господи, собаки не хватало, — буркнула старуха.

— Их всегда не хватает, — сказала Яна, даже не обернувшись.

Водитель коротко хмыкнул.

Свободных сидений не было. Яна привычно забралась вперёд — на небольшое возвышение между водительским и пассажирским креслами, спиной к лобовому стеклу. Рядом лежали смятые купюры, мелочь и пачки билетиков. Она подтянула одну ногу к себе, будто делала так всю жизнь.

— Янка, ты как горгулья устроилась, — заметил Вася.

— Зато сижу.

Маршрутка дёрнулась с места. За лобовым стеклом медленно ползли серые дома и ларьки с выгоревшими вывесками. Постепенно дома стали реже, а дорога хуже.

Яну постоянно подбрасывало на кочках, но её это, кажется, только веселило. Она держалась рукой за металлический поручень и смотрела то в окно, то на людей в салоне.

Водитель одной рукой крутил руль, другой сгребал с панели монеты. Яна наклонилась к нему:

— А можно собаку бесплатно провезти? Он интеллигентный.

Водитель покосился в зеркало. Атлант тяжело дышал, заняв почти весь проход.

— По нему видно.

— Ну пожалуйста.

— Девушка, он весит больше вас.

— Это только так, кажется, из-за шерсти. И кость у него широкая.

Водитель усмехнулся и махнул рукой:

— Сидите уже. Только чтоб не сожрал никого.

— Без обещаний, — совершенно серьёзно сказала Яна.

Вася, сутулясь у поручня, благодарно кивнул ей. Она показала ему язык.

Рынок начинался ещё у остановки: с криков продавцов, сиплой музыки из дешёвых колонок и запахов фруктов, нагретых солнцем. Между палатками толкались покупатели с пакетами и тележками. У кого-то надрывался мобильный телефон; издалека доносилось торжественное «Налетай, не стесняйся!».

Стоило им пройти немного вперёд, как Атлант потянул в сторону мясных рядов.

— Даже не думай, — предупредил Вася.

Пёс сделал вид, что человеческая речь к нему не относится.

Около получаса ребята блуждали по бесконечным одно-

типным рыночным рядам, выбирая тетради, дневники и канцелярские принадлежности к школе.

Яна остановилась у палатки с украшениями так резко, что почувствовала, как Вася врезался ей в спину. На прилавке вперемешку лежали дешёвые серьги, резинки, заколки-бабочки, цепочки с потемневшим металлом и кольца с огромными цветными камнями.

— О господи, смотри, какие! — Она уже тянулась к прилавку.

— Янка…

— Нет, подожди. Это вообще шедевр.

Она приложила к уху длинную серьгу с зелёным пластмассовым камнем.

— Ну как?

Продавщица, полная женщина с ярко-синими тенями, сразу оживилась:

— Девушке очень идёт.

— Конечно идёт, — согласилась Яна. — Вопрос только: почему это стоит как крыло самолёта?

— Девушка, это Турция.

— Это пластмасса.

— Сейчас очень популярная модель.

Яна прищурилась.

— Двадцать.

— Пятьдесят.

— Да вы издеваетесь.

— Тогда идите ищите дешевле.

— И найду.

Но с места не сдвинулась. Продавщица тоже это заметила.

— Ладно. Сорок.

— Двадцать пять. И вы ещё скажете, что я сегодня самая красивая покупательница.

Женщина рассмеялась:

— Ой, хитрая какая.

— Мне папа говорит — не пропаду.

— Это видно. Ладно, забирай.

Вася стоял немного в стороне. Яна была уверена, что ему немного неловко за её поведение. Торговаться он не умел, да и в разговорах со взрослыми всегда оставался достаточно робким. Даже помня об этом, Яна не могла отказать себе в удовольствии от этой маленькой победы.

Яна вернула взгляд к прилавку и обратила внимание на симпатичный браслет. Она машинально взяла его в руку и повертела в пальцах, перебирая красные бусины. Женщина отвернулась к другой покупательнице, попросившей показать цепочку, совершенно не следя за Яной.

Сердце вдруг ударило сильнее. Ладонь сжалась сама собой, и в следующую секунду браслет оказался в кармане толстовки. Яна продолжила спорить про сдачу так спокойно, будто ничего не произошло.

В соседней палатке с фруктами они купили персики и двинулись к краю рынка.

— Ты страшный человек, — объявил Вася.

Яна улыбнулась, принимая это за комплимент.

— Зато с покупками.

— Ты продавщицу чуть до инфаркта не довела.

— Я думаю, она меня полюбила.

— Ага, или прокляла.

Яна сунула ему пакет.

— Неси.

— Сейчас.

— Мужчина должен быть полезным.

— Тогда тебе нужен кто-то другой.

— Поздно. Я уже выбрала тебя.

Она сказала это легко, не задумываясь, и пошла дальше. Не услышав ответа, Яна обернулась: Вася всё ещё стоял у палатки, с пакетом в одной руке и поводком в другой. Он смотрел на неё так серьёзно, что она уже собралась спросить, в чём дело, но тот улыбнулся и поспешил догнать её.

— Ну что ты застрял? — спросила Яна.

— Думаю, куда ты меня продашь, когда деньги кончатся.

За рынком, возле старых складов, начиналась заросшая травой насыпь. Здесь было тише, только из-за дороги доносился гул машин. Яна устроилась на бетонном блоке, поджав под себя ногу, и раскрыла пакет с персиками. Вася сел рядом, а Атлант улёгся у его ног, пристроив тяжёлую морду на кроссовок.

Пока Вася возился с поводком, Яна достала браслет из

кармана и застегнула его на запястье. Красные бусины коснулись кожи, скрылись под рукавом. Она вытащила один персик из пакета и надкусила, Атлант проводил её руку полным голода взглядом.

— Вась, дай ему один, — сказала она, кивнув на пса.

— Он не станет. Ему мясо подавай.

— Потому что он личность.

Яна всё же бросила ему кусочек. Атлант обнюхал его с таким оскорблённым видом, словно Яна предложила ему съесть собственный поводок, и демонстративно отвернулся.

Она расхохоталась. Вася тоже засмеялся, качнув головой.

В доме Яна привыкла сидеть с прямой спиной и следить, чтобы случайно не сказать лишнего. Здесь можно было болтать ногой, пачкать пальцы персиковым соком и смеяться с набитым ртом. Вася не требовал от неё ничего, кроме того, чтобы она время от времени делилась едой и не обзывала его без причины.

— Через неделю опять в школу, — сказала Яна, поморщившись.

— Не напоминай.

Она выкинула косточку куда-то за спину.

— Ты хоть за лето алгебру подтянул?

— Собирался.

— Всё лето?

— Почти каждый день.

Яна покачала головой, сдерживая улыбку.

— И ни разу не собрался?

Вася пожал плечами.

— Всё равно я тупой.

— Ой, заткнись.

— Что?

Яна перестала улыбаться и посмотрела на него внимательнее.

— Нормальный ты.

— Янка, я алгебру два года сдать не могу.

— Потому что ты идиот, а не тупой. Это разные вещи.

Вася хмыкнул.

— Спасибо. Очень поддержала.

Яна потянулась за следующим персиком. Её взгляд остановился поверх дороги там, где между крышами складов виднелась бледная полоска неба. Повисла недолгая пауза. Каждый думал о своём.

— Я бы вообще отсюда уехала, после школы, — произнесла Яна свои мысли вслух.

Слова вышли тише, чем она собиралась. Вася перестал крутить в руках травинку.

— Куда?

— Да хоть куда-нибудь.

— В столицу, что ли?

— Нет. Там люди злые.

— А здесь добрые?

— Здесь хотя бы свои.

Яна помолчала. Она могла перечислить все улицы Глуховца, знала, где в булочной продают вчерашние пирожки дешевле, кому нельзя доверять секреты и какой автобус вечно опаздывает.

— Просто… здесь всё как будто заранее известно, — сказала она. — Мать хочет, чтобы я в педагогический пошла.

— А ты куда хочешь?

— А я хочу ничего не решать лет до тридцати. — Яна усмехнулась. — Шучу. Куда я уеду?

— Это хороший план.

— Да?

— Конечно. Я вот вообще планирую умереть бомжом возле ларька.

— Очень амбициозно.

Они улыбнулись друг другу. Яне стало легче от этой нелепой шутки, но уже через несколько секунд она заметила, что Вася снова смотрит куда-то в сторону. За последние дни он часто делал так: посреди разговора вдруг замолкал, точно услышал что-то, чего больше никто не слышал.

— Ты после того, как нашёл Ленку, какой-то сам не свой.

Вася отвёл взгляд. Яна уже пыталась поговорить с ним о том утре, но всякий раз он отвечал коротко, уходил от подробностей или принимался обсуждать что-нибудь другое. Она знала, что лучше не давить, и всё же молчать становилось трудно.

— В смысле?

— Не знаю. Тихий какой-то.

— Тихий, как наш маньяк?

— Не говори глупостей. И вообще дурацкое прозвище для такого зверя.

Яна нахмурилась, стараясь разглядеть его лицо. Вася потёр шею, потом посмотрел на Атланта; тот мирно сопел.

— Ты всё время о чём-то думаешь, — продолжила она.

— Да ни о чём я не думаю, — слишком быстро ответил Вася. — И посмотрим, как бы ты себя вела.

От неожиданности Яна подняла брови. Ей хотелось огрызнуться, напомнить, что она вообще-то беспокоится о нём, но на губах уже возникло неприятное, знакомое чувство: ещё одно слово — и они поссорятся.

Даже Атлант приподнял голову, услышав Васин голос.

— Ладно, — сказала Яна. — Чего ты завёлся-то?

Вася потёр ладонью шею ещё раз.

— Прости.

Она кивнула и отвела глаза. Извинение прозвучало искренне, только ничего не объясняло. Яна не собиралась вытягивать из него ответы силой, хотя он, кажется, впервые за всё время их дружбы не хотел ей чего-то рассказывать.

Обратно к остановке они пошли медленнее. Солнце клонилось ниже, а рынок словно стал другим — более шумным, уставшим, липким от жары и человеческих голосов. Продавцы перекрикивали друг друга, где-то ругались из-за сдачи, пахло пылью, жареным тестом и переспевшими фруктами.

Яна несколько раз посмотрела на Васю. Он шёл рядом, внимательно следил за Атлантом и делал вид, что не замечает её взглядов. В кармане толстовки позвякивала мелочь, а под рукавом холодили кожу красные бусины.

В самом конце рядов, чуть в стороне от остальных палаток, стоял маленький раскладной стол, накрытый выцветшей тканью. Они почти прошли мимо, когда Вася неожиданно остановился.

— Ты чего?

Он не ответил. Яна проследила за его взглядом.

На столе лежали булавки, связки сушёных трав, маленькие деревянные кресты, красные нитки и мешочки с чем-то шуршащим внутри. За столом сидела старуха, такая неподвижная среди рыночной суеты, что Яна не сразу заметила её лицо.

— Смотри, какие штуки, — сказала Яна.

— Только не говори, что ты сейчас купишь набор Бабы-яги.

— Не ной.

Старуха перевела взгляд с Яны на Васю, затем на Атланта. Пёс не шевелился, но Вася взял поводок покороче.

— Нитка не от беды бережёт, — негромко произнесла старуха. — Только напоминает, что беда рядом ходит.

Яна посмотрела на разложенный товар. Возможно, это была обычная присказка для покупателей: на рынке и не такое говорили, лишь бы человек задержался у прилавка. Но Вася

побледнел и отвёл взгляд.

— Это вы сами делаете? Эти крестики? — спросила Яна.

— А кто ж ещё.

Старуха выбрала тонкую красную нитку и протянула ей.

— На, красавица. Тебе пригодится.

Яна собиралась пошутить про сглаз и материнскую привычку видеть дурной знак во всём на свете, но почему-то не стала. Нитка лежала на сухой ладони старухи, а рядом, у самого края стола, шевелились от ветра пучки трав. Она не знала, что ответить человеку, который смотрел так уверенно, словно уже получил её согласие.

— Янка, пойдём уже, — негромко сказал Вася.

Он не смотрел на старуху. Яна ещё секунду постояла перед столом, затем качнула головой.

— Спасибо.

Но нитку не взяла.

Они успели пройти всего несколько метров, когда впереди раздался детский визг:

— МАМА!

Яна обернулась одновременно с Васей. Атлант, который ещё секунду назад спокойно шагал рядом, теперь с совершенно невозмутимым видом дожёвывал мороженое, отобранное у маленького мальчика.

По белой морде пса стекал растаявший пломбир, на чёрном носу прилипла розовая посыпка, а сбоку из пасти торчала деревянная палочка. Ребёнок смотрел на него так, словно

только что пережил нападение медведя.

— Атлант! — Вася схватился за голову. — Ты что творишь?

Мать мальчика сперва сердито шагнула к ним, но, увидев нелепую морду овчарки, остановилась. Яна попыталась извиниться; вместо слов у неё вырвался смешок, а следом она уже согнулась пополам, цепляясь за Васин рукав, чтобы не потерять равновесие.

— Господи… Вася… у него мороженое…

Даже женщина не выдержала и рассмеялась. Вася достал деньги, предложил купить мальчику новое мороженое и, получив согласие, долго пытался вытереть Атланту нос бумажной салфеткой. Пёс спокойно сел рядом, явно не испытывая ни малейшего раскаяния.

— Атлант, ты позорище, — сказал Вася.

Яна всё ещё смеялась, когда он наконец поднял на неё глаза. Сначала Вася лишь покачал головой, но потом тоже рассмеялся — не сразу, словно забыл, как это делается. Яна прижалась плечом к его плечу и почувствовала, что теперь может просто идти рядом, не подбирая слов и не пытаясь разгадать его молчание.

Глава 5. Байки.

Сумерки постепенно накрывали старые дворы и облупившиеся фасады зданий. Всё больше окон пятиэтажек загоралось, начиная желтеть, вторя цветам заката. Из их открытых форточек тянуло телевизорами и запахом разогретого масла.

Асфальт после дневной жары всё ещё хранил тепло.

Лёша шёл давно привычным маршрутом вдоль домов и железнодорожных путей. Рядом, чрезмерно жестикулируя, вышагивал Даня. Он не замолкал ни на минуту.

Он был ниже Лёши почти на голову, с тяжёлыми чертами лица, резкими скулами и стрижкой под машинку. Даже сейчас, просто рассказывая очередную историю с техникума, Даня, казалось, занимал всё пространство окружающей их улицы.

Рядом с другом Лёша всегда чувствовал себя невзрачнее.

История Дани резко сменила курс:

— Мелкая опять вчера мать накрутила.

— Из-за чего? — Лёша вовремя заметил, что речь Дани перестала быть монологом.

Тот пнул в пустую банку.

— Да из-за ерунды какой-то. Учёба, деньги, ещё что-то…

Помолчал.

— Мать после смены еле живая приходит, а Яна всё равно своё гнёт.

— Другое дело — ты, образцовый сын, — не удержался съязвить Лёша.

Даня раздражённо дёрнул плечом.

— Да не во мне дело. И не в Яне. Просто батя у нас умеет очень удобно жить. Будто и не с нами вовсе. Вот матери и приходится...

Из-за угла медленно вышла женщина в чёрном платке. Лёша смутно узнал её: пару раз он видел её на кухне у Дани, в компании матери друга.

— Здравствуйте, тёть Нин.

Поздоровавшись, Лёша осознал, насколько это выглядело неуместно. Мать Лены за последние дни постарела вдвое: глаза провалились, лицо стало серым, как после болезни. Она сжимала двумя руками ручку своей сумки, будто держась за неё. Даже для того, чтоб ответить на приветствие ей потребовалось непривычно продолжительное время.

— Здравствуйте… мальчики.

Тишина снова затянулась. Где-то за домами лаяла собака .

Лёша покосился на Даню, но тот выглядел так же растерянно. В городе не было ни одного человека, кто бы не знал, какая утрата постигла семью этой женщины.

— Вы это… — женщина нервно оглянулась куда-то в сторону леса. — Поосторожней там ходите, время-то позднее.

— В смысле? — осторожно поинтересовался Даня.

— Да я уже не знаю, что думать... — она говорила тихо и сумбурно, словно бы и не им. — Мать моя совсем плохая

стала после похорон. Совсем. Не спит почти. Сидит ночами на кухне и в окно смотрит. Она ведь Лену видела. Там… у реки.

Голос женщины дрогнул.

Лёша слишком хорошо знал, о чём она говорит. Помнил крики старой женщины и тело девушки во мху. Ему хотелось провалиться сквозь землю. Впервые он пожалел, что Игорь взял его с собой.

Тётя Нина судорожно поправила платок и продолжила:

— После этого как подменили человека. Всё про лес говорит. Про то, что «он забирает». Живой он у неё.

Пока Лёша мечтал о том, чтобы этого разговора никогда не существовало, Даня подошёл к женщине и неловко положил руку ей на плечо. Та подняла на него глаза, в которых пряталась бесконечная растерянность.

— Позавчера ушла ночью. Мы её по всему району искали. А она у тропы сидит. У старой. Свечи какие-то наставила… Говорит: «Задобрить надо». Чтобы других не тронуло.

Лёша ощутил прилив холода в районе позвоночника. Ему казалось, что в тёте Нине что-то треснуло и слова ручьём хлынули наружу. Должно быть, женщина поставила себя в настолько тесные рамки, что потребность высказаться нашла первого попавшегося удобного слушателя. Поэтому он ответственно кивал после каждой её фразы, стараясь не прерывать.

— А вчера вообще землю с кладбища домой принесла.

Под кровать Лены рассыпала.

— Тёть Нин… — осторожно перебил её Даня. — Может, врача ей…

— Какой врач… — она махнула рукой. — Возраст уже. Ей проще так. Домой в деревню её отправлю.

Женщина последний раз окинула взглядом Даню и Лёшу.

— Вы просто… вечером так не ходите, ладно?

И, не дожидаясь ответа на вопрос, она отвернулась от них и медленным шагом пошла дальше.

Даня проводил её взглядом и тихо выругался. Лёша молча пожал плечами. Говорить после такого особо не хотелось.

Они двинулись вперед. Из второго этажа крайнего дома заиграл шансон. От виднеющихся за путями крыш гаражей несло дымом от костра: кто-то сжёг мусор. Жизнь продолжалась.

— Кстати, как прошла твоя первая встреча с трупом? — Даня ткнул Лёшу локтем.

— Очень романтично, — буркнул Лёша.

— Я серьёзно.

— Да нормально.

— Нормально ему. Я бы после такого неделю не спал.

Впереди показался одиноко стоящий маленький ларёк, украшенный решёткой на окнах и выцветшей рекламой сигарет.

У входа сидели двое алкашей. Один кивнул Дане:

— Здорово, чемпион.

— Иди нахер, дядь.

— Ишь воспитанный какой.

Тот ухмыльнулся и дёрнул дверь. За ней скучала продавщица с химией на голове, а мутный холодильник с бутылками гудел громче, чем прежде.

— Только не орите потом под окнами, — сказала она раньше, чем они успели подойти к холодильнику.

Даня усмехнулся:

— Мы сегодня культурно.

— Ага, верю.

Она посмотрела на Лёшу:

— Игорь знает, где ты шляешься?

— Примерно.

Друзья уже ставили на прилавок бутылки пива и пачку сухариков.

— И «Жигуль» ещё, — сказал Данила. — Для Женька, а то опять ныть будет.

— Он и с ним будет.

— Тоже верно.

Когда они вышли обратно на улицу, заметно стемнело, хотя прошло совсем немного времени. Осталось только пройти через рельсы, где начинались ржавые, исписанные, с кривыми воротами и вечно разбросанным вокруг мусором гаражи.

Миновав около десятка разноцветных ржавых металлических ворот, парни услышали знакомые громкие реплики и смех.

— О, алкаши пришли! — заорал кто-то.

Впереди показались открытые зелёные двери гаража, из которых лился жёлтый свет, освещая силуэты трёх парней, банки пива и упаковки чипсов. Старый магнитофон сипло играл что-то из «Сектора».

Саня развалился прямо на бетонной плите. Рядом курил Женёк — длинный, сутулый, в спортивках с вытянутыми коленями. Самый мелкий из них сидел на корточках возле стены гаража и ковырял зажигалкой облупившуюся краску.

Даня и Лёша присоединились к ним.

— Лёха, — сразу загоготал Саня, — тебя Игорь скоро вместо служебной собаки возить начнёт.

— Уже возит, — сказал Даня.

— Смотри, втянет тебя в ментовку.

Лёша открыл бутылку об край гаража.

— Сань, смотри лучше, чтобы тебя кто за собаку не принял. Только не служебную, а ту дворняжку с лишаем, которая вечно гаражи охраняет.

Парни заржали.

— И чё, страшно было? — один всё же не удержался и спросил.

Лёша сделал глоток.

Перед глазами на секунду снова мелькнула жёлтая лента в лесу.

— Да хрен знает.

Саня тут же перебил:

— Он просто теперь важный. Видел труп — всё, звезда района.

— Иди нахер.

— Уже ходил.

— Игорь, должно быть, боится, что ты маньяком вырастешь, — включился в разговор Женёк.

Лёша пнул его кроссовком:

— Мне кажется, я уже сказал, куда вам пойти.

— Да серьёзно, — Даня сделал глоток пива. — Игорь твой хотя бы парится. Мой батя вообще никогда не спрашивает, где я.

Он тут же передразнил отца низким усталым голосом:

— «В лесу главное — не шуметь».

— И чё это значит? — хмыкнул Женёк.

— Не знаю. Хоть сдохни там, главное — тихо.

Снова смех.

Но после слов про лес разговор свернул не туда. В сторону темноты за гаражами. В сторону старых историй, которые в таких городах знают все, даже если делают вид, что не верят.

Саня первым кивнул в сторону деревьев:

— Мне дед рассказывал: раньше тут пацанов пугали одной хернёй.

— О, началось.

— Да заткнитесь.

Он поудобнее сел на бетонном блоке.

— Двое мужиков однажды за рекой заблудились. Мест-

ные оба, с детства туда ходили. Один ничего, а второй вдруг говорит: «Ты слышал?»

— Чего слышал? — встрял Даня.

— Будто жена его зовёт. По имени. Хотя жена дома была. Первый ему говорит: «Пошли, дорога вон там». А тот стоит и смотрит в деревья. Потом взял и пошёл на голос.

— Ну и чё?

— Не перебивай.

Рассказчик закурил.

— Первый за ним, конечно. Только догнать не смог. Ищет, орёт, а тот будто сквозь землю провалился. Сам-то до дороги за пять минут добрался.

— А второй?

— Наутро нашли. Возле той же тропы сидел. Сказал, что всё время домой шёл, а дорога никак не кончалась. И про голос ничего не помнил.

Женёк фыркнул:

— Нажрался просто.

— Ага. Только дед говорил, что они трезвые были. И оба рядом шли. Одного лес выпустил, а другого до утра водил.

— Удобно, — заметил Лёша. — Кто потерялся, тот избранный?

— Да хрен его знает.

Лёша машинально посмотрел на тёмные деревья. В детстве ему тоже рассказывали похожее: что лес ночью «путает», и если испугаешься — всё, пропал. Ещё совсем малень-

кими они с Даней пересказывали друг другу самые страшные из услышанных баек, пытаясь показаться храбрее, чем они есть на самом деле. А после Лёша проводил ночь с широко открытыми глазами, вслушиваясь в храп старшего брата.

— У нас ещё тупее байка была, — добавил Женёк. — Про женщину у реки.

— О-о-о, — протянул Даня.

На улице полностью стемнело. Магнитофон звучал глуше. Парни, изрядно выпив, всё более театрально пересказывали местные истории.

— Бабка рассказывала: у реки женщину видели. Призрака. В белом кружевном платье. Стояла у самой воды, спиной к дороге.

— И что? — не унимался Даня.

Лёша почувствовал, как его клонит сон. Все эти разговоры о призраках и пропавших мужиках никак его не увлекали. Благодаря Игорю он прекрасно знал, что стоит за всеми этими историями о пропавших и убитых на самом деле.

— Мужик один с рыбалки шёл. Узнал её, окликнул, а она даже не пошевелилась. Он ближе подошёл, за плечо тронул. Она повернулась и смотрит на него, как будто вообще не понимает, где находится.

— Да, тоже пьяная была!

— Заткнись! Её, говорят, три дня искали. А она потом твердила, что только вчера из дома вышла.

— Ну и где призрак-то?

— Так это потом уже рассказывали, что она из воды выходит. И что, если ей в лицо посмотреть, тоже память потеряешь, — закончил Женек, только что наглядно продемонстрировавший, как именно призрак выходит из воды.

— И мой дядька клянётся, что реально её видел, — добавил Мелкий. — После рыбалки. Она будто…

Парень замолчал на секунду.

— …будто слишком медленно повернулась. И всё. Дальше не помнит.

На этот раз никто не засмеялся сразу. Потому что лес за гаражами стоял слишком близко.

— Да пошли вы нахер, — наконец сказал Даня. — Щас ещё сами себя накрутите.

Но даже он говорил тише обычного.

***

Магнитофон молчал: у него сели батарейки. Пиво давно кончилось, пачки из-под сухариков валялись под ногами.

Страшилки давно закончились, теперь парни перескакивали с темы на тему. Даня жаловался на учёбу в ПТУ, Санёк пугал его будущей мизерной зарплатой автомеханика, Лёша рассказывал о трудностях работы в милиции, слегка приукрашая собственные знания.

— Не, это всё фигня, — резко воскликнул перебравший Женёк.

— Чего?

— Да мне тут вообще, походу, пиздец.

Все в компании уставились на него.

— В смысле? — Лёша попытался ускорить разгадку посеянной другом интриги.

Женёк попытался сделать глоток из уже пустой банки.

— Моя залетела вроде.

На секунду стало тихо.

Потом Саня присвистнул:

— Поздравляем папашу.

Раздался смех. Женя выругался.

— Вы не понимаете. Она мне вчера заявляет: «У меня задержка».

— И? — Даня как-то косо смотрел на друга.

— И ничего.

— Очень мужской ответ, — коротко бросил Даня.

Лёша, до этого ржущий вместе с Саней, заметил, как изменилось поведение друга. Даня напоминал кота перед дракой: казалось, даже щетина у него на затылке встала дыбом.

— Ну а чё я сделаю? Мне девятнадцать, блядь, как и тебе. Мы сами ещё...

— Сделал, женись и воспитывай, — тут же сказал Даня.

— Иди нахер, — Женя неприятно усмехнулся и продолжил. — Я вообще свалю куда-нибудь. За хлебом, как принято.

Саня и Мелкий заржали. Но Даня — нет. Лёша, заметив выражение лица друга, подошёл к нему чуть ближе, ожидая, что случится дальше.

— Ты дебил? — крикнул Даня.

Женя хмыкнул:

— А чё такого?

— «Чё такого?» — Даня совсем не сдерживал себя, его голос, должно быть, был слышен во всех гаражах.

— Ну а мне жизнь ломать из-за этого?

— То есть её пусть ломается?

— Да господи, Даня, не ори.

— Ты даже не знаешь ещё ничего толком.

— И что?

— И уже ведёшь себя как мудак.

Парень раздражённо ответил:

— Да ладно тебе. У Лёхи батя тоже свалил. И можно подумать, твой сильно на тебя повлиял.

Это было зря. Случилось именно то, чего боялся Лёша. Даня резко вскочил. Бутылка покатилась по бетону.

— Повтори.

— Да успокойся ты.

— Повтори, я сказал.

Парни устремились друг к другу. Женя на секунду остановился.

— Чё ты завёлся вообще? Тебя это как касается?

Данила ударил первым. Сильно, прямо в лицо. Женёк ударил в ответ. Даня пошатнулся, но почти сразу бросился обратно.

Дальше всё смешалось слишком быстро: мат, грохот бу-

тылок, чьи-то крики «Хорош!», «Да разними их!».

Женёк был выше и сильнее.

Он вжал Даню в гаражные ворота и несколько раз ударил подряд — жёстко, зло, уже не разбирая.

Лёша рванулся их растаскивать, подключился Саня.

— Харе! Вы чё?!

Даня всё равно пытался вырваться обратно, Лёша едва удерживал его.

— Пусти меня!

— Да угомонись ты! — повысил голос Лёша.

Даня наконец перестал дёргаться. Друг медленно разжал руки и встал рядом.

Женя тяжело дышал, вытирая кровь с костяшек. Губа у Дани была разбита, под глазом наливалась тень.

Саня коротко кинул:

— Ладно… хорош на сегодня.

Компания начала расходиться быстро и неловко, всем одновременно стало стыдно оставаться здесь дальше.

Уже в спины Лёши и Дани прилетела фраза Женька:

— Псих, блядь.

Лёша даже не обернулся. Его куда больше беспокоило, как Даня то и дело прикладывал рукав олимпийки к разбитой губе, оставляя на ткани всё новые тёмные пятна.

— Прилично он тебя приложил. Голова не кружится?

— Лёх, я нормально.

— Ага, вижу. Особенно по роже.

Даня улыбнулся, но тут же поморщился от боли.

— Пошли лучше ко мне. Игорь посмотрит, может, тебе башку проверить надо.

— Только его мне сейчас не хватало. Лучше ко мне. Родители на даче, дома одна Янка.

Лёша не стал настаивать. Они миновали последние гаражи и вышли к железнодорожным путям. Даня наконец убрал руки в карманы.

Глава 6. Голоса.

Яна уже несколько минут ворочалась в своей кровати, находясь между сном и реальностью. Ей снилось, что она идёт через толпу на рынке, но в этот раз одна. Она искала кого-то. Люди расступались, пропуская её, но стоило пройти мимо, как они снова склонялись друг к другу. За спиной шептались. Слов было не разобрать, только почему-то казалось, что все говорят о ней. Постепенно один из голосов — знакомый, раздражённый — стал заметно громче остальных. Раздался оглушительный хлопок.

Шёпот прохожих превратился во вполне конкретный голос брата, раздающийся с кухни. Хлопок, разбудивший её, также принадлежал реальности. Даня как будто бы спорил сам с собой, либо его собеседник умел лучше контролировать громкость своей речи.

Яна нащупала рукой переключатель ночника, уронив на пол CD-плеер, из которого свисали запутавшиеся провода наушников. Она собиралась послушать музыку перед сном, но так и не включила его. Круглые часы на стене с изображением единорога показывали три ночи.

Раздражение захлестнуло Яну. Она соскользнула с кровати и босиком направилась в коридор.

Свет горел только на кухне. В нос сразу ударил едкий запах сигарет. Из-за открытой форточки поверхность линоле-

ума показалась льдом.

Первым Яна увидела брата. Он боком сидел за обеденным столом, уперевшись локтями в колени. Демонстративно хлопнув дверью спальни, она сделала несколько небольших шагов в сторону кухни. Отсюда она смогла разглядеть, с кем разговаривал Даня. В углу, расслабленно скрестив руки, сидел Лёша. Между ними стояли две банки пива и пепельница.

Яна уже готовилась предъявить брату за нарушенный сон. Но тут он повернулся к ней лицом, и она увидела его второй глаз, под которым наливался тёмный синяк. Губа также была разбита, на костяшках пальцев — содранная кожа.

Вместо подготовленной речи Яна озвучила только вопрос:

— Что случилось?

Даня фыркнул.

— Может, попробуешь сама додуматься?

— Ты видел вообще, на что похоже твоё лицо? — уже грубее спросила Яна.

Она подошла ближе и попробовала взять брата за руку, чтобы рассмотреть ссадины. Даня мгновенно вырвался.

— Ян, отстань. Иди к себе.

— Я вообще-то переживаю. — Так легко уходить Яна не собиралась.

Она повернулась к кухонному гарнитуру, где хранилась аптечка. Даня не впервые являлся домой с травмами и разбитым лицом, но то, как он пренебрегал первой помощью, просто бесило.

— Умница, а теперь иди к себе.

Пока Яна пыталась изобрести нечто особо колкое, раздался ровный голос.

— Ты чего грубишь? Видишь, сестра волнуется.

Яна совсем забыла, что Лёша тоже находился в комнате. Светлые волосы падали на лоб, рукава старой толстовки были небрежно закатаны, длинные пальцы медленно крутили зажигалку.

— Если бы кое-кто не стоял там столбом, может, и волноваться бы не пришлось, — Даня опять говорил громче, чем полагалось ночью.

Лёша поднял на него глаза.

Даня осёкся. Они смотрели друг на друга, пока он не отвернулся.

Яна удивлённо приподняла брови. Обычно, если брату не отвечали, он злился только сильнее. А сейчас замолчал сам. Хотя Лёша даже не произнёс ни слова. Это было интересно.

Яне показалось, что она слишком долго смотрит на Лёшу. Она суетливо схватила с полки вату и перекись.

Даня скривился.

— Этого не хватало.

Сестра приземлилась на соседний стул.

— Потерпишь, ты же не маленький.

— Мелкая, не борзей, — последний раз огрызнулся Даня, перед тем как позволил сестре обработать губу.

Яна увидела краем глаза ухмылку Лёши.

Пока она обрабатывала костяшки пальцев, на кухне наконец стало тихо. Когда она закончила, Даня потянулся, поднялся на ноги и огласил:

— Отлично, я в душ.

— Какой тогда смысл, что я всё обработала?!

Даня никак не отреагировал и скрылся в ванной. Яна закатила глаза и втянула воздух через нос. Брат всё делал назло. Она собрала вату и перекись, отвернулась к кухонному гарнитуру, собираясь вернуться в комнату.

Лёша остался сидеть у окна, лениво постукивая пальцами по банке. Запах сигарет Дани всё ещё висел в воздухе, смешиваясь с запахом перекиси.

Яна передумала.

— Из-за чего хоть подрались? — спросила она, не поворачиваясь и старательно переставляя флакончик с места на место.

— Знакомый ляпнул лишнего.

Загадочный ответ, но всё-таки больше, чем удалось добиться от Дани.

— Про что?

— Про детей. Про отцов. Херню всякую.

— Даня из-за нашего папы в драку полез?

— Не совсем.

Яна недовольно хмыкнула. Теперь ясно, явно не защищал репутацию.

— Он вечно к нему цепляется. Я вообще не понимаю, чего

ему не хватает.

Лёша ничего не ответил.

— Ну а что? — продолжила она. — Папа работает, дома бывает. Не орёт на нас, как мама. И всё равно Дане что-то не нравится.

— У них свои отношения, Ян.

Яна открыла рот, собираясь возразить, но промолчала.

Она повернулась к Лёше лицом и позволила себе задержать взгляд на нём. Зелёные глаза. Уставшее выражение лица. Шрам на подбородке. Яна знала его достаточно давно, но почему-то никогда не утруждалась разглядеть.

Спать не хотелось. А тема для разговора никак не приходила на ум. Тишина затянулась. Либо она сейчас найдёт, что сказать, либо нужно уходить. И тут она вспомнила.

— Вася говорил, ты был там, у тропы.

Лёша кивнул.

— Брат в милиции работает.

Яна об этом знала.

— Там правда так страшно? Возле тела.

Пауза. Должно быть, вспоминает.

— Не знаю.

— Это не ответ.

— Потому что не знаю, как объяснить. Неприятно. Не верится, что не через экран смотришь.

Он говорил без попытки напугать. Как-то ровно. И от этого становилось уютно.

— Все сейчас про лес говорят, — сказала Яна. — Будто он людей жрёт.

— Людям проще так думать.

— А тебе? — Яна вернулась за стол.

— А что мне? Вон бабушка Лены совсем с ума сошла, — сказал Лёша. — Соль у дверей сыпет, окна тряпками завешивает. Вот куда такие мысли заводят.

Он помолчал. Его слова стали звучать резче.

— Люди всегда начинают придумывать херню, когда страшно.

— А если это не херня?

Лёша усмехнулся:

— Ян, ты серьёзно?

Она разочарованно пожала плечами, но взгляд не отвела.

— Вася вообще ничего мне не рассказывает, — сказала Яна. — Хотя это он её нашёл.

— Наверное, не хочет вспоминать.

— Ты тоже?

— Не самое приятное воспоминание.

Яна облокотилась на стол.

— Я ведь Лену знала. Не близко, но мы пересекались в школе.

— Знаю.

— Она однажды сказала, что носит красную нитку. На запястье. Как оберег.

Лёша посмотрел на неё.

— И что?

— Говорила, что ей так спокойнее. А мне тогда показалось, что она чего-то боится.

Яна задумалась, пытаясь вспомнить тот разговор.

— Когда её нашли, нитка была на руке?

Лёша опять принялся крутить зажигалку.

— Была.

***

Уснуть Яне так и не удалось.

Где-то за стенкой ворочался Даня. Кровать поскрипывала. Он умудрялся шуметь даже во сне.

В комнате было душно. Полоска света от фонаря тянулась через подоконник и ложилась на край одеяла.

Она перевернулась на спину и уставилась в потолок. В голове снова всплыла бабка с рынка: сухие пальцы, нитки, булавки. Яна выдохнула и натянула одеяло выше.

Лёша прав, это всё глупости. Люди любят страшные истории. В детстве их рассказывали постоянно: про девушек у реки, про бесконечную тропу, про шёпот между деревьями. Даня в детстве пугал её — говорил, что в чаще нельзя долго смотреть в одну точку: тогда лес тебя «заметит».

За окном качнулись ветки. Где-то капала вода на кухне, внизу хлопнула дверь подъезда.

Но если Лёша прав, почему следствие до сих пор не нашло убийцу? Почему в историях, которые годами повторяли взрослые и дети, было что-то общее? Яна вспомнила, как он

посмотрел на неё, когда она спросила про нить.

Яна перевернулась набок и потянулась к тумбочке. На ней лежала старая школьная тетрадь, используемая вместо записной книжки. На последней странице — даты, список книг, телефоны.

Она немного подумала. Потом вывела: «Лена». Ниже: «Нить». Пауза. «Тропа».

Рука замерла.

Последним она зачем-то написала: «Лес».

Глава 7. Бесстрашный.

— Вась, ты совсем бесстрашный?

Вася почти прошёл через арку, образованную двумя серыми столбами, которые сверху сходились, напоминая букву «Л», когда Яна окликнула его.

Она остановилась перед ними и раздражённо цокнула языком.

— Почему? — Он обернулся, но дальше не пошёл.

— Нельзя через такие проходить.

— Через какие?

Яна показала пальцем наверх:

— «Чёртовы ворота».

Вася хмыкнул:

— Ага. И теперь меня бабайка сожрёт?

— Если тебя найдут расчленённым — скажу, что предупреждала.

Он коротко засмеялся и вернулся к Яне на грунтовую дорогу, всё ещё усеянную лужами после дождя. Поводок в руках натянулся, Атланту было гораздо интереснее оставаться у обочины и изучать кусты.

Вася и Яна медленно шли по старой дороге, ведущей от его дома в сторону заброшенной лесопилки. Здесь они часто гуляли с Атлантом. Людей вокруг не было. Если пройти немного вперёд, туда, где заканчивались фонарные стол-

бы, можно было отпустить пса побегать. Атлант мог сколько угодно возиться у обочины, но стоило свистнуть — возвращался. И самое главное, несмотря на то, что лес тянулся с двух сторон тёмной стеной, следы цивилизации делали его менее страшным.

Когда Вася наконец решил, что они отошли достаточно далеко и потянулся отстегнуть карабин от ошейника, Яна спросила:

— А вдруг он сожрёт на какую-нибудь кошку? Я пару дней назад видела здесь котят.

— Он не жрёт кошек.

— Вась, я вчера видела, как он тащил в зубах голубя.

— Голубь — не кошка.

Яна фыркнула, а вновь обретший свободу пёс устремился вперёд. Никаких котят было не слышно, как и других посторонних звуков. Только ветер ровно, усыпляюще шумел в верхушках сосен.

Так они прошли примерно половину пути. Атлант то убегал вперёд, перепрыгивая канаву, отделяющую лес от грунтовки, то отставал сзади, помечая кусты.

Впереди показалась машина. Вася и Яна прижались к краю дороги. Ржавая «Газель» медленно проехала мимо них. Видимо, ещё одной части оборудования заброшенной лесопилки была уготована честь отправиться на металлолом.

Атлант заинтересованно смотрел ей вслед, навострив уши. Машина заехала в лужу, оказавшуюся неожиданно глу-

бокой, и в кузове что-то резко грохнуло.

Испуганный пёс дёрнулся и рванул в лес.

— Атлант! — крикнул ему вслед Вася.

Белая спина последний раз мелькнула между стволами и исчезла.

— Чёрт.

Вася быстро шагнул с дороги к деревьям, избегая смотреть в глубину леса.

Яна последовала за ним.

— Атлант! Ко мне! — крикнула она.

Ничего не изменилось. Только где-то в глубине треснула ветка.

— Да сейчас выйдет, — произнесла Яна, коснувшись плеча Васи, пытаясь приободрить.

Вася мотнул головой:

— Не-а. Если испугался — может ломануться куда угодно.

Стволы деревьев стояли слишком ровно. Казалось, их кто-то расставил. Вася, не раздумывая больше, полез между ними. Под ногами сразу захрустела хвоя.

— Атлант! — снова крикнул он.

Голос прозвучал глухо. Сзади лёгким шуршаньем раздавались шаги Яны. Вася обернулся к ней.

— Попробуй посвистеть? — предложила она.

Дорогу за ней ещё было видно между деревьями.

Вася коротко свистнул. Они замерли, ожидая, когда Атлант, виляя хвостом, покажется впереди.

Тонкие полосы солнечного света лежали на мху и старых корнях. Пейзаж оставался неизменным.

— Он никогда так не убегал?

— Нет.

Вася пошёл вперёд — быстрее прежнего, глядя под ноги.

— Атлант! Да иди сюда, придурок!

Несколько деревьев впереди изгибались одинаково. Яна шла следом, придерживая колючие ветки.

Лес не выглядел страшным. Светлый, сухой, почти прозрачный.

Под ногами мягко пружинил ковёр из иголок.

Рыжий резко повернул голову на звук и не сразу понял: это он сам так тяжело дышал.

Ветер шумел только высоко над соснами. Внизу, между стволами, воздух стоял неподвижно.

— Слышишь? — вдруг раздался голос за спиной.

— Что?!

Подруга нахмурилась так, словно сама не знала, что хотела сказать. Но парень понял, что она имела в виду. Все звуки казались настолько далёкими, будто они находятся где-то под водой.

Он коротко свистнул. Звук раздался где-то вдалеке между деревьями и сразу погас. Без эха.

Рыжий невольно поёжился.

— Мы же недалеко ушли? — спросила девочка.

— Нет.

Его ответ прозвучал слишком быстро. И они продолжили двигаться вглубь леса.

Сколько они ни шли, ни одна знакомая тропинка так и не встретилась.

Впереди были только корни и серый песок.

Девочка достала телефон. Она озвучила, что связи не было.

Хотя солнце ещё недавно цеплялось за верхушки сосен, свет уже начал сереть. А лес вокруг стал плотнее.

— Вась, ты помнишь, где дорога?

Вася посмотрел на Яну. Она выглядела слегка напуганной. Сначала он даже не понял, о какой дороге речь.

— Да, позади.

— Нет, слева. Мы уже несколько раз поворачивали.

— Мы же шли почти прямо!

— Нет, сам посмотри назад, там глушь!

— Янка, мы шли прямо. Если бы мы сворачивали налево, то уткнулись бы в лесопилку.

Яна раздражённо поджала губы, собираясь возразить, но замолчала. Она оглянулась, пытаясь вспомнить, когда они в последний раз меняли направление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.